

## V Структурализм

### Тема 12: По ту сторону действия: структуралистская модель в науках о человеке

Структурализм не принимает проводимого в интерпретативных теориях противопоставления естественных наук и наук о человеке, отказываясь также от сопутствующей идеи замены научных объяснений семантическими в социальных и гуманитарных науках. Вместе с тем структурализм далек от попыток объяснить **значимое** поведение с помощью универсальных законов и дедуктивно-номологической схемы. Вместо этого, структурализм стремится обнаружить в поведении людей смысл, который **скрыт** от непосредственного восприятия с точки зрения самих действующих. Исходной точкой для структуралистского рассуждения служит указание на неявную упорядоченность языкового поведения, отношений родства, следования правилам, участия в ритуалах и т.п., что позволяет говорить о их детерминированности. Однако предполагаемые скрытые “двигатели” осмысленного поведения являются не физическими (или нейрофизиологическими) причинами, а *структурными детерминантами* - человеческими установлениями, которые, однако, не поддаются тривиальному сведению к поступкам отдельных действующих.

Как мы видели, редукция описания деятельности к физическому или нейрофизиологическому уровню делает причинное объяснение “внешним”, действие утрачивает интенциональный, осмысленный характер. С другой стороны, интенционалистские объяснения интеллигибельного действия в терминах убеждений, желаний и правил не являются, строго говоря, объяснениями, так как не обладают проверяемым эмпирическим содержанием (см. выше). Кроме того, интерпретативный подход не дает средств для такого описания убеждений и желаний, которое бы не зависело от описания самого действия: самый абсурдный поступок может быть идентифицирован как интеллигибельное действие, если принять, что деятель исходит из соответствующих бредовых убеждений или извращенных желаний.

Структурализм стремится выйти “за пределы” интеллигибельного действия, открыв лежащие в основании осмысленной и значимой деятельности *более глубокие* смыслы, внеличностные структуры, создающие *макросоциальный контекст* действия. Примерами таких структур могут служить **системы родства, фонологические системы, социальные структуры, институты и нормативные порядки**. Таким образом, структуралистские модели объяснения относятся к *макро-уровневым* (тогда как объяснения *деятельности* обычно относятся к *микро-уровню* теоретизирования).

Истоки структуралистских объяснений в социологии нередко прослеживают в идеях Дюркгейма (ср., в частности, обоснование автономии “социальных фактов” и критику редукционистских объяснений социального целого в “Правилах социологического метода”). Однако некоторые версии структурализма принимают принцип *методологического индивидуализма*, т.е. предположение о том, что структурные и реляционные свойства социальных явлений, в принципе, могут быть объяснены действиями, целями, свойствами и т.п. отдельных индивидов (такой точки зрения, в

частности, придерживался один из основателей британской социальной антропологии А.Р.Радклифф-Браун; она же лежит в основании *теории структуризации* Э.Гидденса).

В “сильном” варианте структуралистские объяснения ищут *смыслы, скрытые от повседневного сознания действующих*, и поскольку понятие “интенционального” по меньшей мере по объему совпадает с понятием “сознательного”<sup>32</sup>, такие объяснения **не являются** интенционалистскими. Структурными инвариантами, задающими неявные правила или законы действия, могут служить системы фонологических оппозиций и глубинные грамматические структуры, изучаемые структурной лингвистикой, структуры бессознательного в психоанализе, отношения собственности и способ производства в марксизме и т.п.

Структуралистские объяснения характерны для современной лингвистики. Структуралистская революция в лингвистике произошла в начале века под влиянием работ Ф.де Соссюра, противопоставившего совокупность неписаных правил *языка* их актуальному использованию в *речи* как совокупности повседневных высказываний индивидуальных носителей языка. Новая парадигма очень быстро превратила лингвистику из исторической и описательной науки в теоретическую и высокоформализованную: бинарные оппозиции признаков, определяющие закономерности различения звуков носителями языка, были описаны структурной фонологией; затем глубинные структуры были выявлены и на уровне грамматики и синтаксиса (Н.Трубецкой, Р.Якобсон, Н.Чомски). Тот же подход был успешно применен к анализу сложных нарративных последовательностей (первооткрывателем в этой области был отечественный исследователь В.Пропп, описавший морфологическую структуру волшебной сказки).

---

<sup>32</sup> Дискуссия о том, тождественны ли эти понятия по содержанию, остается одной из самых острых тем в современной логике и философии. Положительно отвечает на этот вопрос, в частности, один из основателей психолингвистики Дж.Фодор (“невозможны интенциональные зомби”), отрицательно - выдающийся логик и философ Дж.Сёрл.

Успехи структурной лингвистики способствовали распространению структуралистского подхода на “сопредельные” гуманитарные дисциплины. В социальных науках первые образцы структуралистских объяснений были разработаны в *культурной антропологии*. Структурные модели объяснения характерны также для таких влиятельных исследовательских программ, как *психоанализ* и *марксизм*, которые вскрывают по преимуществу неосознаваемые людьми инвариантные, универсальные отношения, стоящие за наблюдаемой эпифеноменальной реальностью человеческого сознания и практики.

Принято выделять следующие устойчивые особенности “сильных” структуралистских объяснений<sup>33</sup>:

- социальные явления трактуются как сложноорганизованные системы отношений, единичные элементы которых (например, фонемы или элементы ритуала) могут быть объяснены лишь в соотнесении с другими элементами;
- структурный анализ рассматривает видимое поведение (практику, дискурс и т.п.) как систему знаков, *код*, нуждающийся в дешифровке - т.е. в выявлении системы означаемых, - так что структурное объяснение всегда является *семиотическим* в широком смысле;
- универсальные и инвариантные элементы структуры могут анализироваться *синхронически*, т.е. относительно независимо от исторических и частных (*диахронических*) контекстов их возникновения;
- универсализм “тайных” структур языка, родства, социального обмена, власти и т.п. обеспечивает широкие возможности для их коммуникации и взаимной трансформации.

---

<sup>33</sup> См.: Keat, R. and J. Urry. *Social Theory as Science*. London: Routledge, 1975. Pp. 124-5.

### Тема 13: Структурная антропология

Самая завершенная структуралистская концепция в культурной антропологии принадлежит К.Леви-Стросу. Леви-Строс предпринял беспрецедентную по своим масштабам попытку концептуализировать столь различные явления как *мифы*, *примитивные системы классификаций*, *брачные правила* и *системы родства* в качестве **коммуникативных знаковых системы**, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты семиотическому анализу. Результатом анализа таких коммуникативных систем (к которым, по мнению Леви-Строса, могут быть отнесены также нормативные порядки и институты современных обществ) становится открытие глубинных структур, организованных как совокупности *бинарных оппозиций* элементарных единиц или отношений. Эти глубинные структуры являются, как полагает Леви-Строс, не сверхиндивидуальными, а интраиндивидуальными - врожденными бессознательными универсалиями мышления, определяющими *логическую организацию* человеческой психики. Единство этой логической организации создает возможность трансформации коммуникативных систем (так, одна и та же оппозиция “индивидуальной биологической репродукции - социальной солидарности” тематизируется и в простейших правилах экзогамии<sup>34</sup>, и в мифе об Эдипе). Следовательно, анализ конкретной коммуникативной системы - например, мифа, - должен включать в себя определение базисной совокупности оппозиций и соответствующих тематических элементов “плана выражения”, а также всех

---

<sup>34</sup> Экзогамия и запрет инцеста препятствуют превращению семьи в изолированную биологическую общность (что, возможно, являлось бы наилучшей стратегией самовоспроизводства), обеспечивая возникновение элементарной социальной структуры обмена.

возможных перестановок и комбинаций тематических элементов. Решению этой общей задачи может способствовать сравнительный анализ этнографического материала, изучение различных вариантов определенного мифа и т.п.

Характерный пример структуралистского объяснения можно обнаружить в работах представителя британской структурной антропологии Э.Эванс-Притчарда, исследовавшего социальную организацию памяти у нуэров (скотоводов из Судана). Проведенный Эванс-Притчардом анализ социально структурированной памяти о предках, если рассматривать его с точки зрения используемой объяснительной модели, поразительно напоминает мертоновскую концепцию роли “структурной амнезии” уже совершенных открытий в науке (М.Даглас, 1986). Если у Мертона систематическое забывание является неотъемлемой чертой организации науки, то у Эванс-Притчарда систематическое, институционализированное публичное припоминание является важнейшей частью социальной организации нуэров. Нуэры обнаруживают поразительную память: каждый информант может легко припомнить от восьми до одиннадцати поколений предков. Точнее, полностью припоминаются четыре поколения, считая от легендарного основателя племени, и как минимум четыре-пять поколений родственников информанта, причем наличие “разрыва” в цепи искусно сглаживается и не осознается рассказчиком. Способность воспроизводить имена всех родичей в пределах трех поколений (считая от рассказчика) при движении и вверх, и вниз по генеалогическому древу объясняется существующей структурой брачных обменов. Для обоснования любых индивидуальных притязаний в этой сфере нуэры используют следующее фундаментальное уравнение: сорок голов крупного рогатого скота=один брак. Это же уравнение используется во всех других транзакциях, например, при выплате компенсации за убитого или разделе имущества. Публичная институционализированная память нуэров работает следующим образом: человек,

идуший на свадьбу, либо должен отдать корову, либо рассчитывает получить корову. Тот, кто “инвестирует” в расходы жениха, рассчитывает получить корову “в следующем поколении”, когда его дочь будет выходить замуж. Из того скота, что распределяется на свадьбе, по корове получают родственники невесты до пятого колена, далее которого притязания на родство не признаются. Каждая свадебная церемония, таким образом, превращается в публичное “исчисление родства”. На коллективно реконструируемых индивидуальных “генеалогиях” (и на вытекающих отсюда обоснованных притязаниях на скот), в полном согласии с принципом трансформации коммуникативных систем, держатся и другие институты нуэров: политические альянсы, мобилизация молодых людей во временные военные союзы, определение социального статуса индивида и т.п.

*Критика* структуралистских объяснений в антропологии, как мы увидим, в общих чертах совпадает с критикой социологического структурализма. Во-первых, существенные возражения вызывает тот результат структуралистских объяснений, которым сами структуралисты склонны гордиться - “децентрация субъекта”. Структуралистское объяснение попросту оставляет за пределами содержательного обсуждения те представления, которые играют столь существенную роль и в “повседневных теориях” психического, и в интенционалистских моделях, - автономию субъекта, переживание воления и смысла действия и т.п. Иными словами, гуманистическая критика структурализма (в частности, критика Леви-Строса Ж.-П. Сартром) в значительной степени совпадает с гуманистической критикой бихевиористских моделей объяснения. Кроме того, структурализм разделяет многие проблемы функционализма, так как для преодоления обвинений в скрытой телеологии такие явления, как “селективное выживание” и устойчивость структур, должны быть “прописаны” на микроуровне, т.е. подкреплены соответствующими микросоциальными

теориями, выводящими “факты о структурах” из “фактов об индивидуальных действующих”. Наконец, часто отмечают, что структурализм абсолютизирует противопоставления содержания и концептуальной структуры, что в пределе превращает структуралистское объяснение в набор довольно бессодержательных логических тавтологий.

*Тема 14: Структуралистская перспектива в марксизме и фрейдизме:  
“слепые силы” материального и сексуального производства*

Существуют различные - и в разной степени спорные - структуралистские интерпретации **марксизма** (Л.Гольдман, Л.Альтюсер и др.). Фундаментальное значение для этих многообразных интерпретаций имеют несколько ключевых идей классического марксизма. Во-первых, Маркс придавал решающее значение структурам материального производства, базису, считая, что он, в конечном счете, определяет правовые, политические и идеологические институты “надстройки” (которые, впрочем, оказывают обратное влияние на воспроизводство сложившихся экономических отношений); во-вторых, Маркс полагал, что такие характеристики социетального уровня, как разделение общества на классы (стратификация), отчуждение и эксплуатация структурно детерминированы частной собственностью на средства производства и, соответственно, могут быть объяснены лишь через отношения собственности; в-третьих, марксистская теория постулирует, что явные социальные конфликты и революционные сдвиги могут быть “расшифрованы” лишь посредством



анализа взаимоотношений между двумя структурными компонентами базиса - динамически развивающимися производительными силами и более инерционными социальными отношениями, возникающими в процессе производства (в том числе, отношениями собственности).

В классическом психоанализе, в отличие от марксизма, ведущую роль в объяснении поведения людей играют не структуры материального производства, а латентные структуры человеческой психики. Однако и макроуровневые марксистские модели, и относящиеся скорее к микроуровню модели психоанализа исходят из предположения о том, что и действия отдельных людей, и “поступки” социальных агентов институционального уровня обладают внеличной логикой и часто совершаются, в марксовской формулировке, “помимо их воли” (ср. трактовку идеологии у Маркса и иррациональных поступков и снов у Фрейда).

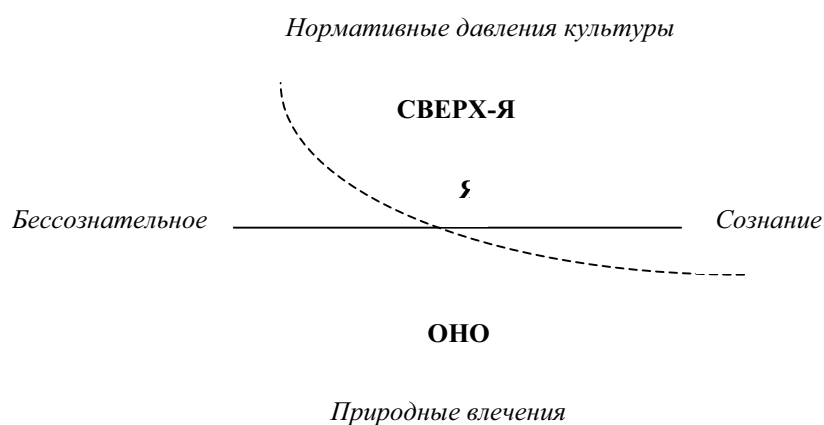
Критика Фрейдом классической менталистской психологии концентрируется прежде всего на концепциях “воли” и “сознания” и во многом совпадает с рассмотренными ранее аргументами тех, кто критикует интенционалистскую модель действия. Фрейд рассматривает психоанализ как последний сокрушительный удар по “вселенскому нарциссизму человечества”. (Человек обнаруживает, что не является господином космоса (Коперник), природы (Дарвин), своей продуктивной деятельности (Маркс)<sup>35</sup> и, наконец, собственного психического аппарата.) В своей элементарной форме характерная для психоанализа трехкомпонентная модель структуры психического аппарата (см.: Рис.2) возникает как пересечение двух бинарных оппозиций: *природа-*

---

<sup>35</sup> О высокой оценке Фрейдом марксовской трактовки экономических отношений как структурной основы феномена власти свидетельствует, в частности, следующее замечание, содержащееся в работе “Недовольство культурой”: “...мне кажется несомненным, что реальное изменение отношений собственности принесет больше пользы, чем любая этическая заповедь”. Социалисты, однако, не достигают цели, так как игнорируют второй источник структурной детерминации - человеческую (прежде всего, собственную) природу. См.: З.Фрейд. Недовольство культурой// Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. Сс.132-3.

культура и сознательное-бессознательное. Цель рационального, т.е. эффективного с точки зрения достижения максимального удовлетворения, действия может оставаться бессознательной. Несовершенства в координации различных бессознательных целей, а также абсолютная или относительная неэффективность средств - источник неудачных, внешне “иррациональных” или “патологических” действий (так, невроз может быть **слишком дорогой** ценой индивидуального приспособления к определенным требованиям культуры).

**Рис. 2**



Еще одной важной структурной оппозицией, несколько усложняющей базовую модель, является противопоставление *сексуального влечения /Эроса/ - инстинкта смерти /Танатоса/*. (В ранний период - т.е. до написания работы “По ту сторону принципа удовольствия”, 1920, - Фрейд предпочитал говорить об оппозиции *сексуального влечения*, энергетически обеспечивающего формирование привязанностей и социальной солидарности, и *инстинкта самосохранения*, проявляющегося как *интерес, стремление к самоудовлетворению*.) Кроме того, действие может быть ориентировано либо на немедленное, либо на стратегическое, отсроченное удовлетворение, чему соответствует различие *принципа удовольствия* и *принципа реальности*, описывающих различные фазы психического развития. Возникновение неврозов и

аномального поведения психоанализ связывает с неспособностью “Я” примирить противоречивые устремления “Сверх-Я” и “Оно”, что происходит в силу чрезмерной выраженности влечений либо неэффективности вытеснения. Именно с функцией вытеснения Фрейд связывал существование многих социальных институтов.

Классическая критика фрейдизма подчеркивает, что утверждения психоаналитика не могут быть подвергнуты прямой фальсификации (например, отсутствие успеха терапии всегда можно объяснить тем, что за отведенный срок подлинный глубинный смысл симптомов не был выявлен и осознан). Кроме того, критики отмечают, что глубинные мотивы поведения в психоаналитических объяснениях отличаются от явных по преимуществу своей осознанностью, т.е. глубинные интерпретации во многом воспроизводят объяснительные схемы “обыденной психологии”.

Современные примеры структуралистской трактовки марксизма можно обнаружить при анализе *теорий деятельности и личности*, которые разрабатывались в советской психологии и социологии. Хотя систематическое описание моделей объяснения, использовавшихся в этих теориях, остается в значительной мере делом будущего, несомненны структуралистские “мотивы” теории опредмечивания потребности и объектной/предметной детерминации сознания в деятельностном подходе (С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев), как и дуализм структуры ценностей - структуры установок, прослеживаемый теорией диспозиционной регуляции социального поведения (В.А.Ядов и соавт.) на микро- и макроуровне анализа.

Тема 15: Социологические версии структурализма. Пример: три образа власти (Маркс, Парсонс, Фуко)

В социологии к структуралистским моделям объяснения прибегали многие ведущие теоретики, в том числе упоминавшиеся ранее Парсонс и Мертон.

Одной из самых радикальных структуралистских концепций в социологии можно считать структурную теорию П.М.Блау, восходящую к некоторым идеям Дюркгейма и Зиммеля. Макросоциологическая перспектива у Блау первоначально возникает в рамках разрабатывавшейся им теории обмена (“Обмен и власть в социальной жизни”, 1964 ), где Блау демонстрирует влияние структурных ограничений и неопределенности возможных прибылей/издержек на выбор в элементарной модели обмена. Основой для возникновения связей между людьми является “социальная аттракция” - стремление взаимодействовать с другим человеком либо в силу его собственной привлекательности, либо в силу возможности получить внешние вознаграждения (универсальными эквивалентами внешнего “подкрепления” в процессе обмена, по Блау, могут быть *деньги, услуги, уважение, уступки*). При невозможности предложить сколь-нибудь эквивалентный обмен “аттрактивной” персоне, действующий может либо отказаться от взаимодействия, либо предоставить другому “обобщенный кредит власти”, которым тот волен воспользоваться позднее, потребовав от “должника” подчинения. Так неравенство индивидуальных ресурсов при элементарном обмене ведет к возникновению *неравенства и власти*. Неравенство и власть в межличностных отношениях предопределяют возникновение социальной структуры, а также сил социального изменения. Блау описывает этот процесс как цепочку, состоящую из трех звеньев:

1) *межличностное взаимодействие* ведет к возникновению различий статуса и власти;

2) *дифференциация* статуса и власти ведет к *социальной организации* и (ее) *легитимации*;

3) легитимация и организация усугубляет неравенство, создавая условия для *оппозиции* и *социального изменения*.

Социальная структура, однажды возникнув в процессе микросоциального взаимодействия, становится относительно автономным окружением последующих взаимодействий и накладывает на них определенные ограничения, разрушение которых может стать лишь результатом успешно организованной оппозиции. Сходным образом Блау описывает возникновение более сложных сетей межгруппового обмена, зарождение институтов, смену лидерства и т.п.

В сформулированной им позднее более радикальной версии социологического структурализма Блау отказывается от использования в социологических объяснениях переменных, относящихся к уровню индивидуального действия или культуры<sup>36</sup>, концентрируя внимание на дифференцированной структуре позиций и групповых процессах. Социальная структура возникает в результате распределения людей по различным позициям, влияющего на их ролевые отношения и взаимодействие. Дифференциация происходит по двум главным типам структурных параметров. К первому типу относятся *номинальные* параметры, дифференциация по которым не подразумевает непосредственного статусного ранжирования; возникающие в результате подмножества имеют качественно определенные границы (раса, пол). Ко второму типу относятся *градуированные* (метрические) параметры. Здесь позиции явно упорядочиваются вдоль континуума непрерывно возрастающего статусного признака (например, дохода или образования). Социальная группа определяется на основе номинального параметра, в основе же статуса, по мнению Блау, лежат градуированные

параметры. Отсюда выводятся две формы социальной дифференциации - *гетерогенность (неоднородность)* как распределение населения по группам и *неравенство* как статусное распределение по градуированным параметрам.

Интеграция, как полагает Блау, возникает не под влиянием единой нормативной системы или принуждения, а в результате “далеко зашедшей” дифференциации (преимущественно, по номинальным параметрам): в условиях высокой гетерогенности внегрупповые связи предпочтительнее отсутствия всяких ассоциаций.

Проблемы, возникающие перед “тотальным структурализмом”, связаны с тем, что в используемой модели объяснения заранее исключаются из рассмотрения любые возможности внеструктурной детерминации, определяющие то или иное распределение людей по параметрам дифференциации (личностные ресурсы, экономические отношения и т.п.) и, кроме того, преувеличивается относительная автономия двух типов “социальных различий” (достаточно отметить то тривиальное обстоятельство, что параметры гетерогенности, подобные полу или расе, нередко имеют вполне иерархическую ориентацию, за которой удастся обнаружить отношения неравенства и доминирования). Наконец, хотя тотальный структурализм отрицает объяснительное значение психологических факторов для социологии, индивидуальные предпочтения действующих при выборе соседа, брачного партнера или начальника продолжают играть роль своеобразного пускового механизма в процессах формирования и воспроизводства макроструктур. Последнее обстоятельство придает сомнительный характер самоочевидным, на первый взгляд, различиям между *методологическим индивидуализмом* и *холизмом* (модели “невидимой руки” в экономических теориях рационального выбора, которые принято рассматривать в качестве классического

---

<sup>36</sup> См., в частности: Blau, P. *Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure*. New York: Free Press, 1977.

образца индивидуализма, также используют предпочтения индивидуальных агентов как стратегический исходный параметр).

Структуралистский подход оказывается максимально эффективным в тех случаях, когда он применяется к социальным явлениям, которые могут быть обозначены как “макроуровневые” и “нематериальные”. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что существует несколько явно структуралистских теорий власти. Сравнение этих теорий может указать возможные направления для модификации базовой модели структуралистского объяснения.

В качестве первой структуралистской концепции власти может быть рассмотрена предложенная Марксом модель, объясняющая очевидные различия между людьми в возможности властвовать (“над кем-то” или “над чем-то”) более глубинными различиями в экономических, материальных отношениях, прежде всего в отношениях собственности. Успех в борьбе за контроль над материальными ресурсами ведет к возможности контролировать других людей, которая, в свою очередь, позволяет увеличить материальные ресурсы. Возникающие первоначально в сфере материального производства властные различия распространяются далее на политические и идеологические институты, “консервирующие” реальные классовые отношения. Власть в этом случае поддается аналитической (по меньшей мере) редукции к отношениям собственности.

Парсонс признает “реляционную”, структуралистскую природу марксистской концепции власти, однако критикует сведение власти к ограниченным материальным ресурсам, так как последнее подразумевает, что “количество господства” в обществе в точности равно “количеству подчинения”<sup>37</sup>. Парсонс полагает, что власть может рассматриваться как неограниченно расширяемый ресурс, подобный технологическому

---

<sup>37</sup> См.: Parsons, T. *Power and the Social System*//S.Lukes (ed.) *Power*. Oxford: Blackwell, 1986.

могуществу. Чем сложнее и дифференцированное общество, тем больше ресурсов трансформации (преобразования внешнего и внутреннего окружения действия) и, следовательно, тем больше власти оно содержит. Структурным “носителем” власти для Парсонса является государственная система (*polity*), организующая эффективное коллективное действие. В свою очередь, власть служит обобщенным средством обмена для этой системы. Голосуя за представительную власть, люди инвестируют собственные ресурсы власти в государство, подобно тому, как они инвестируют деньги в банк. Парсонс, однако, не проводит оптимистическую аналогию между политической и экономической подсистемами так далеко, чтобы обнаружить в первой структурные эквиваленты инфляции и банкротств. Кроме того, остается неясным *кто* производит власть (тогда как контроль над производством денег обычно локализован внутри политической, а не экономической подсистем) и почему следует полагать, что в распоряжении индивидуальных агентов оказывается приблизительно равное количество властных ресурсов, которые могут быть легко отчуждены от исходных владельцев<sup>38</sup>. (В этом отношении структурализм Парсонса напоминает скорее веберовский легитимизм, подразумевающий, что “настоящая” власть основывается на сугубо добровольном согласии подданных).

М.Фуко принято относить к постструктуралистам, рассматривающим явные знаковые структуры не как абсолютные семиотические данности, а как намеренные (т.е. осуществленные в чьих-то интересах) “аранжировки”, и ставящим своей задачей раскрытие исторического происхождения этих “аранжировок”. В частности, Фуко осуществил обширное историческое исследование происхождения таких современных институтов как тюрьма, гуманитарное знание, психиатрическая клиника. Фуко далек от того, чтобы рассматривать власть как отчуждаемый индивидуальный ресурс. Власть

---

<sup>38</sup> Отметим, что предположение о возможности отчуждения от личности власти над собой -



всегда является отношением, она не поддается абсолютной локализации и циркулирует в качестве своеобразного “тока” в организационных сетях. Обратная сторона властного отношения - это, конечно, не “добровольное подчинение”, а сопротивление. Отдельные индивиды - лишь носители власти как тотальной системы действия, одновременно обладающие властью и подчиняющиеся власти других. Главные объекты регуляции в системе власти - это язык (дискурс власти дает определения другим людям и предотвращает возможность альтернативных описаний) и тело (его активность подлежит нормализации и регуляции во времени и пространстве). В современном обществе власть не основана на прямом насилии, она рационализована и использует сложные техники обучения, дисциплины и надзора. Прототип современной технологии власти - тюрьма, использующая не пытки, а детальные бюрократические правила, основанные на научном знании. Именно превращение человека в объект гуманитарных наук знаменовало собой окончательный синтез знания и власти, характерный для Нового времени. Этот “научно-правовой комплекс” обеспечил возможность выносить повседневные решения о моральности и нормальности любых человеческих поступков<sup>39</sup>. Становление *дисциплинарного общества* в идеале превращает людей в “тела знания”, столь радикально “прописанные” правилами и регуляциями, что нужда во внешнем контроле практически отпадает: господствующий моральный дискурс и популяризованные доктрины гуманитарных наук усваиваются так глубоко, что всякий сам дисциплинирует и себя, и ближнего. Институты государственной власти утрачивают свое господствующее положение, уступая лидерство “микropolitике власти”, реализуемой преимущественно в сфере личных отношений.

---

пусть и в добровольном порядке, - противоречит самой идее “естественного права”.

<sup>39</sup> См.: Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage, 1979.